

ПРЕОДОЛѢНІЕ САМО- ОЧЕВИДНОСТЕЙ.

(Къ столѣтію рожденія Ф. М. Достоевскаго)

Кто знаетъ, быть можетъ жить
значитъ умереть, а умереть — жить

Зерипидь.

(Продолженіе.)*

IX.

«Записки изъ Мертваго дома» и «Записки изъ подполья» питаютъ всё послѣдующія произведенія Достоевскаго. Его большіе романы «Преступленіе и Наказаніе», «Идіотъ», «Бѣсы», «Подростокъ» и «Братья Карамазовы» — только огромныя комментаріи къ раньше написаннымъ «запискамъ». Вездѣ непрерывная очная ставка между «естественнымъ зрѣніемъ и тѣмъ сверхъестественнымъ видѣніемъ, которыми его одарилъ покрытый глазами ангелъ». «Самоочевидности» со своей обычной властностью требуютъ отъ Достоевскаго покорности и признанія. И для него обведенный мѣломъ кругъ — стѣна, которую нельзя ни разбить, ни сдвинуть съ мѣста. Дважды два — четыре остается «вѣчнымъ» закономъ, осуществляющимъ несмотря ни на что свои права, не боящимся ни глумленій, ни насмѣшекъ, ни негодованія. «Жизнь» идетъ своимъ чередомъ, нормальные люди явно торжествуютъ, «наука» растетъ и

*) „Совр. Зап.“ № 8.

крѣпнеть, принципъ «равновѣсія» оказывается единственнымъ началомъ, ничему не подчиненнымъ, стоящимъ даже надъ всепоглощающимъ временемъ. Бѣдный же «капризъ» все еще только требуетъ себѣ гарантію — гарантію всѣ разобраны и его требованія остаются безъ удовлетворенія. Сколько бы Достоевскій не взывалъ: пусть міръ провалится, только бы мнѣ быть чай: міръ остается на своемъ мѣстѣ, а чай когда бываетъ, но большей частью его нѣтъ. О хрустальномъ же дворцѣ надо и думать забыть: всадѣ курятники, муравейники, стойла и приходится лѣзть подъ первый грязный навѣсъ, чтобы укрыться отъ дождя и непогоды. Казалось бы давно пора бросить всякую мысль о борьбѣ и сдаться на милость побѣдителя. Но, у Достоевскаго есть въ запасѣ еще послѣдній «аргументъ», на общую оцѣнку, пожалуй, немного лучшей, чѣмъ всѣ остальные: человекъ иной разъ страданіе больше любитъ, чѣмъ благоденствіе, хаосъ и разрушеніе иной разъ дороже, чѣмъ порядокъ и созиданіе. Съ этой «идеей» Достоевскій не разлучался никогда. Она вдохновляла всю его творческую работу, она проходитъ черезъ всѣ его произведенія — даже черезъ «Дневникъ писателя». Скажутъ, что это уже не «идея», что это тотъ же «капризъ» только для какихъ то надобностей нарядившійся въ несвойственную ему парадную одежду идеи. Отрицать этого нельзя: парадъ совсѣмъ не къ лицу и не по чину «аргументаціи» Достоевскаго. Какъ бы часто не употреблялъ онъ слово «идея» — права на него онъ не имѣетъ. Всѣ идеи — далеко позади остались, съ разумомъ. Гдѣ нѣтъ разума, тамъ можетъ быть хаосъ и капризъ, но идея тамъ нѣтъ. Мы видимъ это уже въ «Преступленіи и Наказаніи». Какъ будто въ романѣ есть и должна быть «идея» — само заглавіе даетъ право на такое предположеніе. Гдѣ преступленіе — тамъ и наказаніе чѣмъ не «идея»? И какъ разъ идея, наиболѣе понятная нормальному человеку. Возстановляется старая справедливость, равновѣсіе, принципъ, неусыпная Адрастея «дважды два — четыре» — все, надъ чѣмъ такъ обидно глумился и издѣвался герой подполья. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время,

какъ «Записки изъ подіюлья» прошли незамѣченными, да и сейчасъ мало кѣмъ читаются, «Преступленіе и Наказаніе» имѣло огромный успѣхъ и создало литературную славу Достоевскому... Исторія Раскольникова всѣмъ казалась понятной: захотѣлъ человѣкъ уйти изъ «вѣмства» и обратился, какъ полагается, не въ Бога, а въ затравленнаго дикаго звѣря. И оставался такимъ звѣремъ, пока «не почувствовалъ въ себѣ и въ своихъ убѣжденіяхъ глубокую ложь». Только такое сознаніе, объясняетъ Достоевскій, «могло быть предвѣстникомъ будущаго перелома въ жизни его, будущаго воскресенія его, будущаго новаго взгляда на жизнь»

Вы слышите тутъ отзвукъ тѣхъ же настроеній, которыя описаны Достоевскимъ въ «Запискахъ изъ Мертваго дома». Тотъ же общающій краспекъ неба, уже теперь видный изъ-за высокихъ стѣнъ тюрьмы. Та же свободная жизнь среди свободныхъ людей, о которыхъ мечталъ Достоевскій въ каторгѣ. Почти тѣ же слова. «Раскольниковъ вышелъ изъ сарая на самый берегъ, сѣлъ на складенныя у сарая бревна и сталъ глядѣть на широкую, пустынную рѣку. Съ дальняго, другаго берега чуть слышно доносилась пѣсня. Тамъ, въ облитой солнцемъ необозримой стени, чуть примѣтными точками, чернѣлись кочевья юрты. Тамъ была свобода и жили другіе люди, совсѣмъ не похожіе на здѣшнихъ, тамъ какъ бы самое время остановилось, точно не прошли вѣка Авраама и стада его». Въ этотъ торжественный моментъ, рядомъ съ нимъ очутилась Соня. Во второй разъ въ романѣ сошлись вмѣстѣ «убійца и распутница». Только въ первый разъ сошлись они за чтеніемъ вѣчной книги, теперь — передъ лицомъ вѣчной природы. И вотъ свершилось чудо: «Какъ это случилось — онъ и самъ не зналъ, но вдругъ что то какъ бы подхватило его и бросило къ ея ногамъ. Онъ плакалъ и обнималъ ея колѣни». Откуда, почему «вдругъ»? Каковъ смыслъ его? Когда вчеромъ того же дня, Раскольниковъ вернулся въ острогъ, онъ не могъ не думать о случившемся. Но думалъ совсѣмъ не такъ, какъ обычно думаютъ люди. Мысли безпорядочной толпой приходили и уходили. «Все, даже преступле-

не его, даже приговоръ и ссылка, казались ему теперь, въ первомъ порывѣ, какимъ то страннымъ, вѣшнимъ, какъ бы не съ нимъ случившимся фактомъ». И вѣдь правда, то «прошлое» Раскольниковова, которое такъ обстоятельно описано Достоевскимъ въ романѣ — не есть прошлое Раскольникова. Онъ въ правѣ задать себѣ вопросъ, да точно ли онъ убилъ старуху и Лизавету? И я не думаю, чтобы ктонибудь изъ внимательныхъ читателей Достоевскаго и менѣе всего самъ Достоевскій могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Можетъ быть — убилъ, а можетъ быть не убилъ. Въ обоихъ случаяхъ, были ли преступленіе или не было, важно совсѣмъ другое: важно, что было, навѣрное было, наказаніе. Въ послѣднемъ романѣ Достоевскаго, наказаніе постигаетъ Дмитрія Карамазова, который, мы это знаемъ отъ автора, въ убійствѣ неповиненъ. И Достоевскій торжествуетъ: «мужички за себя постояли», обвинили невиннаго. Всѣ вѣроятны за то, что Раскольниковъ такъ же мало повиненъ въ убійствѣ, какъ и Карамазовъ. А еще лучше сказать: никакого Раскольникова и никакого Карамазова никогда на свѣтѣ не было и Достоевскому никогда до нихъ дѣла не было. «Я все возвѣщаю о другомъ, о другомъ, а все говорю о себѣ». «О чемъ можетъ говорить порядочный человѣкъ? О себѣ». Достоевскій рассказывалъ всегда только о себѣ. У него была одна безумная и отвратительная мысль, никогда не покидавшая его, которую онъ съ неслышаннымъ цинизмомъ «вложилъ въ уста» подпольному человѣку: міру ли провалиться или мнѣ чай пить.

Это и есть тотъ «требовавшій себѣ гарантіи капризъ», во имя котораго Достоевскій поднималъ возстаніе противъ «науки», тотъ гадкій утенокъ, который неожиданно вылетѣлъ среди множества возвышенныхъ и благородныхъ мыслей, освѣщавшихъ своимъ негаснущимъ свѣтомъ мракъ каторжной жизни сперва въ тюрьмѣ, а потомъ и на волѣ. Какъ это ни загадочно, но Достоевскій всю жизнь надѣялся, что этому гадкому утенку суждено превратиться въ прекраснаго лебедя. Много позже, уже незадолго до смерти, когда Достоевскій писалъ въ «дневникѣ писателя», что у человѣчества была только одна «идея» — идея без-

смертіи души, онъ повторялъ только слова своего подпольнаго героя. Тотъ же голосъ, та же непримиримость и тѣ же плохо скрываемыя судороги въ лицѣ. «Я объявляю, что любовь къ человѣчеству даже совсѣмъ немислима, непонятна и совсѣмъ невозможна безъ совмѣстной вѣры въ безсмертіе души человѣка». Неужели вы не узнаете знакомаго голоса? И продолжаете думать, что подпольный человѣкъ — самъ по себѣ, а Достоевскій самъ по себѣ? Вѣдь это все тотъ же гадкій утеночекъ! До прекраснаго лебедя — еще далеко, хотя написаны уже всѣ его романы — даже «Братья Карамазовы». И въ Пушкинской рѣчи и въ полемикѣ съ проф. Градовскимъ по поводу Пушкинской рѣчи виденъ все тотъ же утеночекъ и до лебедя все такъ же далеко. Т. е., пожалуй, я неточно выразился — «далеко». Вѣрнѣе, тутъ, по прежнему, продолжается двойное видѣніе двухъ органовъ зрѣнія. Собственными глазами Достоевскій видитъ гадкаго утенка, «чужіе» глаза свидѣтельствуютъ о прекрасномъ лебедѣ. Споръ между естественныхъ и неестественныхъ видѣніемъ не прекращается, скорѣе даже еще болѣе обостряется. Старые глаза требуютъ доказательствъ, хотятъ чтобы всѣ впечатлѣнія бытія были согласованы межъ собой, новые глаза глядятъ и воспринимаютъ все, что имъ открывается и не только не стремятся свои видѣнія согласовать съ показаніями другихъ человѣческихъ чувствъ, но даже не понимаютъ, просто не слышатъ «голосъ разума». Законъ противорѣчія выходитъ изъ себя, конечно, и «ветхій человѣкъ», не знаетъ, что ему предпринять. Онъ пробуетъ, чтобы умиротворить свою душу, давать особыя названія своимъ противорѣчивымъ видѣніямъ. Онъ говоритъ: новые глаза это уже не знаніе, а вѣра. Но «разумъ» не успокаивается: разумъ не признаетъ «автономной» вѣры. Онъ требуетъ себѣ полноты власти, ключей отъ царства небеснаго, и «вѣра», если хочетъ быть принятой, должна оправдаться предъ нимъ и покориться его законамъ. Достоевскій, самъ Достоевскій, который такъ издѣвался надъ разумомъ въ «Запискахъ изъ подполья», который заставилъ Клода Бернара (мы уже знаемъ, что это не Клодъ Бернаръ, а Аристотель) съ его наукой скла-

виться предъ полуграмотнымъ Димитріемъ Карамазовымъ, Достоевскій, который говорилъ въ «Идіотѣ» — «сущность религіознаго чувства ни подѣ какія разсужденія не подходятъ; тутъ что то не то, тутъ что то такое, обо что вѣчно будутъ скользить атеисты» — самъ Достоевскій не можетъ жить въ постоянной и открытой враждѣ съ разумомъ. И онъ временами тяготится своимъ вторымъ зрѣніемъ и той вѣчной душевной тревогой, которая создается привносимыми имъ противорѣчіями и часто отворачивается отъ «сверхъестественныхъ» постиженій, только бы вернуть столь необходимую смертнымъ «гармонію». Это и «примиряетъ» читателя съ его творчествомъ. Почти всѣ романы его оканчиваются торжественнымъ мажорнымъ аккордомъ, разрѣшающимъ мучительныя сомнѣнія, накопившіяся при ихъ чтеніи.

Вотъ послѣднія слова «Преступленія и наказанія». «но тутъ уже начинается новая исторія, исторія постепеннаго обновленія человѣка, исторія постепеннаго перерожденія его, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, знакомства съ новой, доселѣ совершенно невидимой дѣйствительностью. Это могло бы составить тему новаго разсказа — но теперешній разсказъ нашъ конченъ.» Конченъ? Конечно, если мажорный аккордъ и обѣщаніе показать переходъ да еще вдобавокъ постепенный (т. е. самый разумный, какой только можетъ быть, ибо постепенностью погашается, какъ извѣстно, все таинственное и проблематическое, всѣ капризы, неожиданности и внезапности, словомъ вся та неразумная фантастика жизни, о которой мы столько слышали отъ Достоевскаго) къ «новой жизни» отвѣчаютъ на тѣ «давящія непосильные» вопросы, которыми преслѣдовалъ насъ авторъ на протяженіи всего романа — то онъ вправѣ не только поставить точку и оборвать повѣствованіе, но и сказать «конецъ».

Но, вѣдь обѣщаніе никогда не было исполнено! Черезъ пятнадцать лѣтъ, уже незадолго до смерти, Достоевскій вновь повторяетъ свое обѣщаніе въ «Братья Карамазовы» — чувствуетъ, что пора бы его исполнить, но тоже дальше обѣ-

щанія не идетъ. Очевидно, человѣкъ взялся за невыполнимую задачу: постепенные переходы бываютъ, сплошь и рядомъ бываютъ—но только отъ одной старой жизни къ другой старой жизни. «Новая» же жизнь наступаетъ безъ всякихъ постепенностей и приготовленій и сохраняетъ свой характеръ загадочности и необычности среди ровнаго теченія тѣхъ событій, которыя подвластны старому закону. Достоевскій говоритъ о Раскольниковѣ, что онъ, «точно ножницами отрѣзалъ себя отъ всѣхъ людей». Возстановить такъ грубо разорванную связь уже не можетъ никакая земная сила. Достоевскій и въ «Преступленіи и наказаніи» и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ дѣлаетъ величайшія усилія, чтобы «онормалить», если разрѣшено такое слово, своихъ подпольныхъ людей, т. е. себя самого, конечно. Но, чѣмъ больше онъ старается, тѣмъ меньше выходитъ.

Въ «Идіотѣ», написанномъ непосредственно вслѣдѣ за «Преступ. и наказан.», онъ хотѣлъ изобразить намъ въ лицѣ князя Мышкина эту «новую» жизнь, но получилось произведеніе хотя и замѣчательное, но до «новой» жизни такъ и не добравшееся. Новой жизни для Достоевскаго быть не можетъ, ибо своимъ вторымъ зрѣніемъ онъ убѣдился, что на свѣтѣ «все начинается, но ничего не кончается». Это онъ много разъ повторяетъ, по самымъ различнымъ поводамъ, какъ и ту свою «мысль», что человѣкъ разрушеніе не меньше любить, чѣмъ созиданіе. Но, если у насъ все начинается и ничего не кончается, если человѣку разрушеніе такъ же дорого, какъ и созиданіе, то какая можетъ быть н а з е м л ѣ новая жизнь? И точно, посмотрите, какъ самъ живетъ и что приносить людямъ кн. Мышкинъ, по замыслу автора уже возрожденный и обновившійся? Въ «Идіотѣ» та-же до пельзя сгущенная и перенасыщенная атмосфера, что и въ другихъ романахъ Достоевскаго. Авторъ словно хочетъ вдавить въ охраненную законами противорѣчія и причинности «исторію» не вмѣщающіяся въ ней событія душевной жизни человѣка, въ тайной надеждѣ, что законы и охралы, не выдержавъ давленія и напора изнутри, взорвутся и откроется, наконецъ, столь жданное второе измѣ-

реніе времени, въ которомъ невидно для всѣхъ продолжается и кончается то, что въ первомъ измѣреніи начинается.

Уже утромъ, въ вагонѣ желѣзной дороги Мышкинѣ встрѣчаетъ Рогожина и Птицына, и за тѣмъ еще до вечера — почти всѣхъ безчисленныхъ героев романа. Событія слѣдуютъ одно за другимъ съ быстротой, прямо головокружительной: кн. Мышкинѣ уже въ передней у Епанчиныхъ посвящаютъ генеральскаго лакея въ самые свои потрясающія переживанія. Потомъ сцена въ кабинетѣ Епанчина съ портретомъ Настасьи Филипповны, знакомство съ семьей генерала, семьей Иволгина, встрѣча съ Настасьей Филипповной, пощечина, полученная княземъ и т. д. вплоть до сумасшедшаго вечера въ квартирѣ Настасьи Филипповны и второй встрѣчи съ Рогожинымъ, явившимся въ сопровожденіи толпы пьяныхъ бездѣльниковъ праздновать именины хозяйки и т. д. Нечего и говорить, что и Мышкинѣ и Рогожинѣ и всѣ остальные — не люди, а маски: Достоевской никогда людей не изображалъ. Но подъ масками вы видите одного, настоящаго, живого человѣка — самого автора, который въ величайшей сосредоточенности, забывъ все на свѣтѣ — дѣлаетъ свое собственное, единственно важное для него дѣло: ведетъ свою все еще не законченную тяжбу съ исконнымъ врагомъ своимъ — «дважды два — четыре». На одной чашкѣ вѣсовъ лежитъ тяжелое, грузное, косное, неподвижное «дважды два четыре», со всей свитой традиціонныхъ, вѣковыхъ, «самоочевидностей» — на другую онъ трепетной и торопливой рукой бросаетъ «невѣсомое» — т. е. обида, ужасъ, восторгъ, торжество, отчаяніе, красота, будущее, безобразіе, рабство, свобода, и все прочее, что у Плотина обнимается однимъ словомъ *timiótaton*. Для всякаго несомнѣнно, что дважды два четыре перетянетъ не только то *timiótaton*, которое на протяженіи дня сбиль въ одну беспорядочную кучу Достоевской, но и всѣ событія всей всемірной исторіи. Развѣ дважды два четыре пошелохнется, потому что Настасья Филипповна вынесла столько обиды отъ Тонцаго, или Рогожинѣ, увидавъ разъ въ жизни Настасью Филипповну,

не побоялся «пойти на такую грозу», какая его ждала отъ изувѣра отца, или что Мышкинъ снесъ пощечину и т. д.? Да, если бы Достоевскому удалось всю всемірную исторію, съ дѣлами святыхъ, походами Александра Македонскаго, самоотверженностью Регула и Брута, съ откровеніями пророковъ, вдохновенными рѣчами Платона и Плотина, словомъ со всѣмъ, что было великаго и прекраснаго, ужаснаго и безобразнаго, со всѣми влетами и надеждами, отчаяніями и паденіями, подвигами и преступленіями всѣхъ когда либо существовавшихъ на свѣтѣ людей вмѣстить въ тотъ единственный день, описаніемъ котораго начинается «Идіотъ» и все это бросить на ту чашку вѣсовъ, куда онъ складывалъ свое *timótatón*, то и тогда бы безмѣрная тяжесть «дважды два четыре» не уменьшилась бы нисколько. А стало быть пропала бы послѣдняя надежда на возможность открыть хоть намекъ на второе измѣреніе времени, гдѣ бы кончилось то, что здѣсь начинается и не кончается, куда бы вмѣстились всѣ эти извергнутые исторіей, никѣмъ непризнанные и неохраненные «капризы», для которыхъ во чтобы то ни стало хочеть добыть «гарантію» Достоевскій. И онъ это знаетъ не хуже, чѣмъ хотя бы Спиноза. Больше, самъ Спиноза этотъ вопросъ поставилъ съ той же остротой и съ той умышленно подчеркиваемой безнадёжностью рѣшенія, которая такъ загадочно отличаетъ все, что говорилъ этотъ замѣчательный философъ:

«Post quam homines sibi persuaserunt, omnia qua fiunt propter ipsos fieri; id in unaquaque re praecipuum judicare debuerunt, quod ipsis utilissimum et illa omnia prestantissima aestimare, a quibus optime afficiebantur. Unde has formare debuerunt notiores, quibus rerum naturas explicarent, scilicet. Bonum, Malum, Ordinem, Confusionem, Calidum, Frigidum, Pulchritudinem, Deformitatem. — Veritas humanum genus in aeternam Lateret; nisi Mathesis, quae non circa fines, sed circa figurarum essentialia et proprietates versatur, aliam veritatem normam hominibus ostendisset.» (Eth. Pars I Appendix.) *)

*) Когда люди убѣждали себя, что все, что происходитъ, происходитъ ради нихъ, они стали считать въ каждой вещи то самымъ главнымъ, что было имъ наиболѣе полезнымъ, и признавать

Вы видите, какъ сошлись у тѣхъ же вѣсовъ, у одной вѣковѣчной, страшной загадки современный русскій ученый писатель и теперь прославленный, но при жизни никому неизвѣстный и всѣми презиравшійся ученый философъ отшельникъ. Принято думать, что Спиноза остановился на математикѣ, въ ней увидѣлъ отвѣтъ на свой вопросъ. Но, если не только читать Спинозу, но и прислушиваться къ его голосу, можно въ приведенныхъ мною словахъ и во всемъ appendix'ѣ, которымъ заканчивается первая часть его «Этики» услышать тотъ же вопросъ, который такъ упорно «дѣлалъ» Достоевскій во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Спиноза умышленно — и для другихъ и для себя — втаптываетъ въ грязь и добро и красоту и все, что было когда-либо свято для людей, словно спрашивая себя, какъ древній пророкъ: доколѣ еще бить насъ?

Все отнять, оставить только «дважды два четыре» — вынесутъ это люди? Вынесу ли это я самъ? Или подъ тяжестью этого бремени мое и человѣческое «познаніе» будетъ, наконецъ, раздавлено? И мы не только почувствуемъ, но хоть чуть-чуть увидимъ, что «здѣсь» только начинается, что-то, но то, что здѣсь начинается, кончается не здѣсь, гдѣ нѣтъ еще ни красоты, ни безобразія, ни зла, ни добра, а есть только теплое и холодное, пріятное и непріятное, гдѣ царствуетъ необходимость, а не свобода, гдѣ самого Бога подчинили необходимости, гдѣ воля и разумъ людей такъ же похожи на волю и разумъ творца, какъ песь — лающее животное на созвѣздіе Пса.

Достоевскій такъ же двойственъ, какъ и Спиноза, какъ и всѣ почти великіе будители человѣчества. Поэтому онъ принужденъ былъ закрывать время отъ времени свои видящіе вторые глаза, и глядѣть на міръ обычными, слѣпыми глазами, отдыхать отъ вѣчныхъ диссонансовъ на гар-

самымъ цѣннымъ то, что ихъ пріятіе всего аффицировало. Поэтому имъ пришлось, чтобы объяснить природу вещей, создать такія понятія, какъ Добро, Зло, Порядокъ, Смѣшеніе, Тепло, Холодъ, Красота, Безобразіе... Истина осталась навсегда скрытой отъ человѣческаго рода, если бы не Математика, въ которой рѣчь идетъ не о цѣляхъ, а о свойствахъ фигуръ — не указала бы людямъ иной критерій истины.

моническихъ аккордахъ. Онъ самъ не разъ и не два укрывался подъ сѣнь тѣхъ «законовъ» и «нормъ», которымъ объявилъ войну на жизнь и на смерть, самъ прибѣгалъ грѣться у огня своего заклятаго врага. Для читателя — это источникъ постоянныхъ, тягостныхъ недоразумѣній. Онъ не знаетъ, гдѣ «настоящій» Достоевскій: тамъ-ли, гдѣ не только начинается, но и кончается, или тамъ, гдѣ начинается но не кончается, тамъ гдѣ восстановлено или нарушено равновѣсіе, гдѣ время имѣетъ одно измѣреніе или гдѣ начинается намѣчаться второе измѣреніе, и чашка съ *timótaion* какъ будто чуть-чуть пригибается... Тѣмъ болѣе, что, собственно говоря, ни въ одномъ романѣ Достоевскаго нельзя съ точностью установить какую нибудь основную, опредѣленную «идею». Даже фабулы, хотя онѣ болѣе или менѣе пригнаны къ общепринятымъ требованіямъ, все же настолько спутаны, что нѣтъ возможности выяснитъ, чего, собственно добивается авторъ. Повѣствованіе вездѣ пересыщается эпизодическими вставками, столь значительными и глубокими по темамъ и исполненію, что ими совсѣмъ заслоняется главная фабула. Но одна общая черта свойственна всему, о чемъ повѣствуетъ Достоевскій.

Дѣлать, созидать, его герои не умѣютъ и какъ бы не хотятъ — всюду, куда они являются, за ними слѣдуетъ разрушеніе и гибель: повидимому затѣмъ, чтобы не дать читателю даже иллюзіи «конца». Мышкинъ, святой по замыслу, олицетворенное безкорыстіе не составляетъ исключенія изъ общаго правила: сколько онъ ни старается, онъ не только никому ничѣмъ помочь не можетъ, но всегда способствуетъ всѣмъ злымъ и дурнымъ начинаніямъ. На всѣхъ тяготѣетъ рокъ, всѣ — обреченные. Спиноза могъ бы иллюстрировать сценами изъ «Идіота» и свое положеніе о суверенности принципа необходимости, Лютеръ свое «*de servo arbitrio*». Если бы Дарвинъ видѣлъ въ жизни то, что видѣлъ Достоевскій онъ говорилъ бы не о законѣ самосохраненія, а о законѣ самоуничтоженія. Если бы историки и гносеологи воспытавались по Достоевскому они бы на мѣсто закона достаточнаго основанія выставили бы законъ полной безосно-

ности. Въ романѣ Достоевскаго ничто ничѣмъ не опредѣляется. Въ нихъ царствуетъ тертуліановская «логика» или логика, сновидѣній: *non pudet quia pudendum est prorsus credibile est quia incertum, certum est quia impossibile*. Кн. Мышкинъ путается въ чужія дѣла, такъ какъ ему не нужно путаться, Рогожинъ убиваетъ Настасью Филипповну, такъ какъ это самое безмысленное изъ того, что онъ можетъ сдѣлать, Настасья Филипповна стремится къ святымъ отцамъ, т. к. знаетъ твердо, что это для нея недостижимая цѣль и т. д. Тоже и въ другихъ романахъ — вездѣ «надрывы», вездѣ «изступленія»; всѣхъ героевъ Достоевскаго манитъ только то, что таитъ въ себѣ вѣрную гибель. Эпиграфомъ къ Карамазовымъ взять самый непонятный и загадочный стихъ изъ 4-го Евангелія: «Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно, а, если умретъ, то принесетъ много плода» — одно изъ тѣхъ изрѣченій, по поводу которыхъ самъ Достоевскій, въ тѣхъ же «Братьяхъ Карамазовыхъ» говорить: «въ этихъ книгахъ (т. е. Библии) ужасъ что такое встрѣтишь. Подъ носъ ихъ легко совать. И кто ихъ писалъ? Неужели люди? » И точно, кто писалъ эти книги — неужто люди? И неужто Достоевскій, принимавшій такія мысли, могъ оставаться «человѣкомъ»?

Х.

Достоевскій чувствуетъ, что есть въ жизни какія-то сокровища, которыя человѣку должно беречь, и что, съ другой стороны есть многое, чего беречь не стоитъ, что только слутываетъ и отягощаетъ насъ. Но какъ отличить нужное и не нужное? На всѣмство, на теорію познанія и этику, полагаться нельзя. Второе зрѣніе? Но оно ничему не научаетъ. И къ тому же, оно отказывается служить, когда его призываютъ и приходятъ всегда непрощенымъ и не во время. Въ «Запискахъ изъ Подполья» Достоевскій пыта-

ется жить безъ всякихъ критеріевъ, нормъ, законовъ, но принужденъ, отдавая дань всѣмъству, свадить ихъ объясняющимъ примѣчаніемъ. Въ «Преступленіи и Наказаніи» естественные глаза уже вліяютъ на замыселъ романа. Въ «Идіотъ» еще рѣзче обозначается стремленіе Достоевскаго переманить на свою сторону тѣ самоочевидности, которыя онъ съ такимъ остервенѣніемъ и безудержностью гналъ отъ себя. И чѣмъ дальше, тѣмъ явственнѣе проявляется эта тенденція примирить межъ собою оба «зрѣнія», точнѣе, подчинить второе первому. Этимъ, вѣроятно, и объясняется то странное обстоятельство (я уже обращалъ на него вниманіе), что романы Достоевскаго такъ изобилуютъ эпизодическими вставками и что эти эпизодическія вставки составляютъ въ нихъ главную цѣнность. Даже въ «Дневникѣ писателя» нѣтъ нѣтъ да и появляются среди публицистическихъ статей небольшія вещицы — какъ «Кроткая», «Сонъ смѣшного человѣка», «Воблыль» и другія—все вещи необыкновенной силы и глубины, въ которыхъ онъ тоже не своимъ голосомъ выкрикиваетъ о видѣнномъ не своими глазами. Каждый такой рассказъ и каждый «эпизодъ» въ романѣ совершенно разбиваетъ всѣ попытки внести переживанія, связанные со вторымъ зрѣніемъ, въ тотъ «опытъ», которымъ живетъ и держится человѣчество. Въ «Идіотъ» вдругъ неизвѣстно зачѣмъ, т. е. какъ будто бы нарочно зачѣмъ, чтобы лишній разъ толкнуть бѣднаго кн. Мышкина, который и безъ того спотыкается и падаетъ на каждомъ шагу. — Достоевскій заставляетъ молодого, чахоточнаго мальчика Ипполита, дни, даже часы котораго сочтены, читать въ теченіи цѣлой ночи свою «исповѣдь» — одну изъ самыхъ глубокихъ и потрясающихъ исповѣдей, когда-либо, послѣ книги Іова, которую она имѣла своимъ образцомъ, написанныхъ людьми. Кто внушилъ эти пламенные и вѣщія рѣчи умирающему мальчику? Кто внушилъ ихъ еще не жадавшему смерти, хотя и старому уже по годамъ Достоевскому? Между прочимъ Достоевскій, вѣрный древнему завѣту, сдѣлалъ все, чтобъ оградить себя отъ празднаго любопытства непосвященныхъ. Испо-

вѣдь имѣеть своимъ эпитафіомъ слова *après moi le déluge* — Этого, конечно, болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы отпугнуть «всѣмство». Но намъ не слѣдуетъ забывать, что Достоевскій возлагалъ, въ глубинѣ души своей, лучшія надежды только на гадкаго утенка. Повидимому, онъ былъ убѣжденъ, что безобразіе и ужасъ именно для того и существуютъ въ мірѣ, чтобы скрывать отъ тѣхъ, кому еще не пришелъ срокъ знать, послѣднюю и великую тайну мірозданія. Послушайте, что говоритъ Ишполитъ о картинѣ, которую онъ видѣлъ у Рогожина. На ней былъ изображенъ Христосъ, только что снятый съ креста. «Лицо Христа страшно разбито ударами, вспухшее, со страшными, вспухшими, окровавленными синяками, глаза открыты, зрачки скожились, большіе, открытые бѣлки глазъ блещутъ какимъ то мертвеннымъ, стекляннымъ отблескомъ. Но странно, когда глядишь на этотъ трупъ измученнаго человѣка, то рождается одинъ особенный и любопытный вопросъ: если точно такой трупъ (а онъ непременно долженъ быть точно такой) видѣли всѣ ученики Его, Его главные будущіе апостолы, видѣли женщины, ходившія за нимъ, и стоявшіе у Креста, всѣ, вѣровавшіе въ Него и обожавшіе Его, то какимъ образомъ могли они повѣрить, смотря на такой трупъ, что этотъ мученикъ можетъ воскреснуть. Тутъ невольно приходитъ мысль, что, если такъ ужасна смерть и такъ сильны законы природы, то какъ одолѣть ихъ? Какъ одолѣть ихъ, когда не побѣдилъ ихъ теперь Тотъ, Который побѣждалъ природу при жизни своей, Которому она подчинялась, Который воскликнулъ «Талифа Куми» и двѣица встала, «Лазарь, гряди вонъ» и выпелъ умершій? Природа морщится при взглядѣ на эту картину въ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмого звѣря, или, гораздо вѣрнѣе, хоть и сказать странно, въ видѣ какой-то громадной машины новѣйшаго устройства, которая безсмысленно поглотила и захватила, раздробила и поглотила въ себя, глухо и безчувственно, великое и безцѣнное Существо, Которое одно стояло всей природы и всѣхъ ея законовъ, кото-

рая и создавалась, можетъ быть, единственно для одного только появленія этого существа.»

Не знаю, нужно-ли, послѣ всего вышесказаннаго еще доказывать, что въ этихъ словахъ вылилась самая глубокая, самая завѣтная, и вмѣстѣ самая трепетная и тревожная мысль Достоевскаго. Въ который уже разъ стоитъ онъ, забывъ и себя, и все на свѣтѣ предъ чашками страшныхъ вѣсовъ: на одномъ огромная, безмѣрно тяжелая природа съ ея принципами и законами, глухая, слѣпая, нѣмая, на другую онъ бросаетъ свое невѣсомое, ничѣмъ не защищенное и не охраненное, *timidiatop* и съ затаеннымъ дыханіемъ ждетъ: какая перегянетъ. И это свое дѣло онъ вѣрилъ не кн. Мышкину, которому всѣ поклоняются, которому онъ и самъ поклоняется. Достоевскій знаетъ, что кн. Мышкинъ выдержитъ пощечину и даже подставитъ другую щеку, но отъ страшныхъ вѣсовъ онъ отвернется. Смирненіе не есть та добродѣтель, которой ищетъ Достоевскій. Да и не добродѣтель онъ ищетъ. У добродѣтели вѣдь нѣтъ своей жизни. Она живетъ «признаніемъ», она всѣ свои силы черпаетъ изъ «признавія». Она родная сестра, все того же стараго дважды-два четыре: обѣ родились отъ одного отца — закона. А пока есть законы, пока законы судятъ — Смерть остается властелиномъ міра. И кто посмѣетъ вызывать смерть на поединокъ — когда за нее стоятъ всѣ самоочевидности, такъ мучительно вырисованныя Достоевскимъ, и оправданныя теоріей познанія и «эѣйкой»? Конечно не кн. Мышкинъ. Онъ еще съ «эѣйкой», онъ еще самъ хочетъ, чтобъ «принципъ» похвалилъ его. Вѣдь и святые не могутъ жить безъ похвалы закона. Св. Иеронимъ училъ ж, за нимъ, послѣдній католическій докторъ Лигуори повторялъ, обращаясь къ отркнувшимся отъ міра обитателямъ монастыря: *Disce superbiam sanctam* — научись святой гордости, *scito, te illis esse meliorem* — знай, что ты лучше другихъ. Монахъ еще не готовъ для послѣдней борьбы, даже самый добросовѣстный и искренній монахъ. Онъ еще вѣритъ въ свои «дѣла», ждетъ себѣ похвалы, онъ еще можетъ гордиться похвалой. И кн. Мыш-

кинъ «священной гордостью» не поступится, а стало быть не пойдетъ до конца съ Достоевскимъ. На это способны, это удѣлъ только лишенныхъ всѣхъ правъ и охранъ, подпольныхъ людей. Такіе, только такіе позволяютъ себѣ усомниться въ правомѣрности суда природы и этики, въ правомѣрности суда вообще и ждать, что вотъ вотъ «невѣсомое» окажется тяжелѣе вѣсомаго, вопреки самоочевидностямъ и опирающимся на самоочевидность сужденіямъ разума, который на свою чашку бросилъ уже не только «законы природы», но и законы морали. Исполить уже и морали съ ея санкціей не боится. Онъ презираетъ гордость, даже священную. Онъ не хочетъ быть лучше другихъ, не хочетъ быть хорошимъ, отвергаетъ похвалы самой морали.

Какому суду тутъ дѣло? спрашиваетъ онъ. Кому нужно, чтобъ я былъ не только приговоренъ, но и благо нравно выдержалъ срокъ приговора? Неужели въ самомъ дѣлѣ кому нибудь нужно?» И дальше: для чего потребовалось смиреніе мое? Неужто нельзя меня просто съѣсть, не требуя отъ меня похвалъ тому, что меня съѣло?» Такъ научился спрашивать Ипполитъ: Кантъ такъ спрашивать не умѣлъ. Такъ спрашивали за все время историческаго существованія человѣчества только рѣдкіе, исключительные люди. Въ наше время Нитше: «по ту сторону добра и зла.» Его предшественникъ — Лютеръ — въ ученіи, что добрыя дѣла не опасаютъ. Лютеръ услышалъ, умѣлъ услышать это отъ бл. Августина, который въ свою очередь только развилъ ученіе ап. Павла, почерпнутое этимъ послѣднимъ у пророка Исаія и въ величайшемъ и загадочнѣйшемъ библейскомъ сказаніи о грѣхопадєніи. Конечно въ отвѣтъ на исповѣдь умирающаго Ипполита «всѣмство», представленное огромной толпой чуть-ли не всѣхъ дѣйствующихъ лицъ «Идіота», включая сюда и «святого» кн. Мышкина, отвѣчаетъ насмѣшками, гиканьемъ, свистомъ, криками. Всѣмство горой стоитъ за свой идеалъ — законъ. И святые не отдадутъ закона. Черезъ нѣсколько дней послѣ страшной ночи, когда Ипполитъ такъ безрезультатно и неудачно пытался вымолить себѣ сочувствіе у «всѣмства», онъ пробуетъ погово-

рить наединѣ со святымъ, надѣясь, что безъ людей, съ глазу на глазъ, тотъ перестанетъ трепетать и заискивать у закона. Но надежда оказалась напрасной. Законъ, *quo nos laudabiles vel vituperabiles sumus*, также прочно сидитъ въ князѣ Мышкинѣ, какъ и «дважды два четыре»: въ этомъ святой чѣмъ не отличается отъ рядового человѣка. Вотъ финалъ ихъ разговора. Ипполитъ спрашиваетъ князя: «Ну, хорошо; ну скажите мнѣ сами, ну какъ по вашему: какъ мнѣ лучше всего умереть? Чтобъ вышло какъ можно... добродѣтельнѣе? Ну говорите!» Князь, вѣщавшійся зубами въ свою священную гордость и больше всего боящійся потерять право на похвалу закона, принимаетъ вызовъ. «Пройдите мимо насъ и простите намъ наше счастье, тихимъ голосомъ проговорилъ онъ.» Нечего говорить — испытаніе выдержалъ: дальше идти некуда. Ипполиту только и осталось, что разразиться хохотомъ: «Ха, ха, ха. Такъ я думалъ! Непремѣнно ждалъ чего-нибудь въ этомъ родѣ! Однако-же вы... однако-же вы!.. Ну, ну! Краснорѣчивые люди!» Зачѣмъ Достоевскій довелъ князя Мышкина до такого признанія? Вѣдь это не Ракитинъ, не Клодъ Бернаръ, вѣдь это «по замыслу» положительный типъ! Но «второе зрѣніе», очевидно, видитъ иное. Очевидно, предъ Достоевскимъ, въ этотъ моментъ возникъ еще болѣе трудный и страшный вопросъ, чѣмъ тотъ, который онъ обсуждалъ въ написанной Раскольниковымъ статьѣ. Раскольниковъ рассуждалъ: есть люди, которые разрѣшали себѣ проливать кровь, — напримеръ Наполеонъ — и пользовались всеобщимъ одобреніемъ. Значитъ можно кровь проливать, можно съ согласія и одобренія закона убивать тѣло ближняго. Мышкинъ, въ своемъ смиреніи («смирненіе есть сила» говоритъ, не даромъ Достоевскій) этимъ не удовлетворяется. Онъ считаетъ, что въ награду за свое послушаніе онъ получилъ отъ закона больше правъ, больше силы, чѣмъ было у Наполеона — право и силу убивать не тѣло, а душу человѣка. «Простите намъ наше счастье и пройдите мимо.» Тогда, — что будетъ тогда, если Ипполитъ пройдетъ мимо и простить «имъ» ихъ счастье? Ничего не будетъ, ничего и быть не должно.

Получится идеальное «равновѣсіе» — большаго намъ «разумъ» не добивается...

XI.

Мы отмѣтили у Достоевскаго все болѣе и болѣе рѣшительныя попытки ввести свои изступленные видѣнія въ «предѣлы возможнаго опыта», т. е. превратить «капризъ» и то единственное, не повторяющееся «внутреннее», о которомъ онъ намъ разсказалъ столько новато, во всеобщее и необходимое. Такъ трудно было слѣдить за невыявлявшимся вторымъ измѣреніемъ времени, куда уходило все *time taken*, какъ соблазнительна была мысль о возможности уже здѣсь, въ исторіи, въ первомъ измѣреніи времени получить «награду свою», добыть гарантію и санкцію для «каприза»! Первые, естественные глаза, какъ и разумъ, родившійся съ первыми глазами неустанно твердили ему, что время имѣетъ только одно измѣреніе, и что безъ гарантій, безъ санкцийъ закона ничто не можетъ существовать въ томъ мірѣ. «Человѣкъ любить страданіе» открыло второе зрѣніе, но разумъ усматриваетъ въ этомъ «противорѣчіе». Страданіе должно что-нибудь «дать», если хочетъ, чтобы его любили. И Достоевскій, усмотрѣвшій въ «дважды два четыре» нахальство, не рѣшается на этотъ разъ спорить противъ закона противорѣчія. Что-то «покупается» страданіемъ и что-то такое, что для всѣхъ, для всѣмства имѣетъ цѣнность: страданіемъ покупается «право судить». И ему даже кажется, что этотъ судъ есть тотъ нослѣдній, страшный судъ, о которомъ онъ читалъ въ Св. Писаніи. И что судъ дано творить ему. И такъ вдохновляетъ порой его это верховное право, право говорить, какъ власть имѣющій, что многимъ и ему самому порой казалось, что въ этомъ сущность его, его жизненное призваніе. И кого только Достоевскій не судить!

Въ «Бѣсахъ» — Грановскаго и Тургенева, современную молодежь, въ «Дневникъ писателя» — Стасюлевича и Грановскаго, въ Пушкинскій рѣчи — все русское общество. И въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» судить. И судить смѣло,

рѣшительно, безпощадно. Но, страннымъ образомъ, чѣмъ больше онъ судилъ, и чѣмъ больше убѣждался, что люди боятся его суда и вѣрятъ въ его право судить, тѣмъ сильнѣе повидимому въ глубинѣ его души росло старое сомнѣніе въ правѣ человѣка судить. И даже больше того: онъ это «верховное», «суверенное» право все яснѣе и опредѣленнѣе начинаетъ воспринимать не какъ право, а какъ *privilegium odiosum*, какъ позорящее, мучительное, невыносимое бремя.

И собственно говоря всѣ «эпизоды» которыхъ такъ много въ романахъ Достоевскаго, только объ этомъ и свидѣтельствуютъ. Мы сейчасъ говорили объ «исповѣди» Ипполита и о послѣднемъ его разговорѣ съ княземъ Мышкинымъ. Такой же «эпизодъ» встрѣчается и въ «Бѣсахъ». Настоящій герой «Бѣсовъ»—это не Верховенскій, не Ставрогинъ, а великій и загадочный молчальникъ и столпникъ Кирилловъ. Онъ косноязычный, точно клещами изъ себя слово вырывающій, онъ, «ничего не дѣлающій» и дѣлать не желающій — есть «душа» романа. Эпизодъ съ Кирилловымъ, по силѣ, глубинѣ и выразительности того, что на нашемъ языкѣ называется неизрѣченнымъ, можетъ быть отнесенъ къ шедеврамъ мировой литературы. «Заявить своеволие!» Вѣдь искони сущность столпничества и молчальничества въ томъ только и состояло, чтобъ «заявить своеволие», чтобы среди бѣснующихся и законно бѣснующихся людей — ибо въ пенѣ только мертвецы не бѣснуются—остановиться и поставить, наконецъ, вопросъ: да точно ли нашъ человѣческій міръ, тотъ міръ, которому «разумъ продиктовалъ законы», тотъ міръ, который созданъ «коллективнымъ» опытомъ есть единственно возможный міръ и точно ли разумъ съ его законами властвуетъ надъ живыми. Единственный упрекъ можно было бы сдѣлать Достоевскому. У него Кирилловъ кончаетъ самоубійствомъ. Это — неправильно. Столпники и молчальники въ самоубійствѣ не нуждаются. Они «своеволие заявляютъ» иными способами. Но, повидимому, Достоевскій умышленно допустилъ такую неправильность, умышленно принудилъ Кириллова поступить не такъ, какъ ему

нужно было поступить. Ибо, иначе пришлось бы дѣлать примѣчаніе въ родѣ того, какое сдѣлано было къ «Запискамъ изъ подполья»...

Нельзя миновать здѣсь небольшой рассказъ «Сонъ смѣшного человѣка», не попавшій, въ качествѣ эпизода въ одинъ изъ романовъ Достоевскаго и нашедшій себѣ пріютъ на страницахъ «Дневника писателя». Рассказъ, почти никому неизвѣстный, какъ и другой, непосредственно съ нимъ связанный и тоже появившійся на страницахъ «Дневника писателя» рассказъ «Кроткая». Оба рассказа написаны также вдохновенно и съ тѣмъ же подъемомъ, какъ и «Записки изъ подполья», «Исповѣдь Иннолита» и другіе многочисленные шедевры, которыми, точно безцѣнными алмазами, сверкаетъ художественный вѣнецъ Достоевскаго. «Сонъ смѣшного человѣка» является продолженіемъ за полгода до того написаннаго рассказа «Кроткая». Этотъ послѣдній Достоевскій нашелъ нужнымъ какъ и «Записки изъ подполья» оправдать въ «примѣчаніи». И точно онъ нуждается въ оправданіи, хотя и не можетъ быть оправданъ тѣми соображеніями, которыя приводитъ Достоевскій.

Вотъ вкратцѣ его содержаніе. Герой, отставной офицеръ, человѣкъ безмѣрно и несправедливо обиженный въ прошломъ, какъ и всѣ «истинные» герои Достоевскаго. Обиженный не такъ, какъ князь Мышкинъ — эпилепсій и т. п., а обиженный такъ, что и и чего за душой не осталось кромѣ «идеи», воплотившейся въ судной кассѣ. И вотъ онъ встрѣчается и женится на дѣвушкѣ — она то и есть кроткая — первомъ существѣ, которое онъ полюбилъ отъ всей души. До того полюбилъ, что готовъ съ ней даже своей «идеи» подѣлиться. И уже собрался дѣлиться, но на день, на часъ задержался: все провѣрялъ себя, ее. Но въ этотъ же день доведенная до отчаянія женщина выбрасывается съ иконой въ рукахъ изъ окна и разбивается на смерть. Хорошо придумано: такой человѣкъ подготовленъ къ «вопросамъ». Послушайте ихъ въ передачѣ самого Достоевскаго. «Что мнѣ теперь ваши законы? Къ чему ваши обычаи, ваша вѣра? Пусть судить меня вашъ судья, пусть приве-

дуть меня въ судъ, вашъ гласный судъ и я скажу, что не признаю ничего. Судья крикнетъ: «молчите, офицеръ». А я закричу ему: гдѣ у тебя такая сила, чтобъ я послушался? Зачѣмъ мрачная косность разбила то, что всего дороже. Я отдѣляюсь. О, мнѣ все равно!.. Косность! О природа! Люди на землѣ одни—вотъ бѣда! «Есть ли въ полѣ живыя человѣки?» кричитъ русскій богатырь. Кричу и я, не богатырь и никто не откликается... Все мертво и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругомъ нихъ — молчаніе». Такимъ вопросомъ кончается рассказъ. Нѣтъ такой силы у «судьи», которая заставила бы офицера, содержателя ссудной кассы, послушаться его... Продолженіе «Кроткой» — «Сонъ смѣшного человѣка» знакомитъ насъ съ «психологической» человѣка, которому «все равно». Скажутъ, что и знакомитъ тутъ нечего, и что никакой «психологии» у человѣка, которому все равно, быть не можетъ. Но, какъ значитъ у Достоевскаго въ подзаголовкѣ, «Сонъ смѣшного человѣка» — «фантастическій рассказъ». А сущность фантастическаго вѣдь и состоитъ въ самыхъ неожиданныхъ метаморфозахъ, когда «ничто» на нашихъ глазахъ какимъ то непонятнымъ, чудеснымъ образомъ превращается въ самое важное, *τιμίοτατον*. Такъ было у Плотина, который нашелъ Бога тамъ, гдѣ все видѣли ничто. Такъ было у Достоевскаго. Вѣдь онъ и для «каприза» требовалъ гарантіи, добивался втораго измѣренія времени именно потому, что хотѣлъ «узаконить» фантастическое, поставить его на то мѣсто, которое въ общемъ сознаніи занимало до сихъ поръ «естественное». Рассказъ пачинается такъ: «я смѣшной человѣкъ. Они меня теперь называютъ сумасшедшимъ. Это было бы повышеніемъ въ чинѣ, если бы я еще не оставался для нихъ такимъ же смѣшнымъ, какъ и прежде». Вы видите, что въ 1877 году, т. е. черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ «Записокъ изъ подполья» Достоевскій все еще продолжаетъ досказывать педосказанную повѣсть объ отвергнутомъ всѣмствомъ человѣкѣ. Для всѣхъ этотъ смѣшной, отвратительный человѣкъ, гадкій утенокъ, которому бы лучше и не родиться на свѣтъ, а если онъ уже родился, то лучше

всего бы ему прятаться подальше, поглубже отъ всѣхъ. Даже не отъ другихъ, а отъ самого себя спрятаться, ибо всѣмство и въ немъ самомъ живетъ — и «судить» его, возмущается его уродствомъ. Это смѣшныи человѣкъ и самъ знаетъ: онъ такъ же невыносимъ для себя, какъ и для другихъ. Но вотъ ни вѣсть откуда пришло къ нему это странное «все равно» — Достоевскаго больше всего, какъ мы знаемъ, занимается ни вѣсть откуда являющееся и весь онъ превращается во вниманіе. Что это за «все равно», зачѣмъ оно? «Я хоть узнавалъ съ каждымъ годомъ все больше и больше о моемъ ужасномъ качествѣ (о томъ, что я смѣшонъ), но почему-то сталъ немного спокойнѣй. Именно почему-то, потому что я и до сихъ поръ не могу опредѣлить, почему. Можетъ быть потому, что въ душѣ моей нарастала страшная тоска по одному обстоятельству, которое уже было безконечно выше меня: именно это было постигшее меня убѣжденіе въ томъ, что на свѣтѣ вездѣ все равно. Я очень давно предчувствовалъ это, но полное убѣжденіе явилось въ послѣдній годъ какъ то в д р у г ѣ. Я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ все равно было бы, существовалъ ли бы міръ или если бы нигдѣ ничего не было. Я сталъ слышать и чувствовать всѣмъ существомъ своимъ, что н и ч е г о п р и м н ѣ н е б ы л о. Сначала мнѣ казалось, что за то было многое прежде, но потомъ я догадался, что и прежде ничего не было, а только почему то казалось. Мало по малу я убѣдился, что никогда ничего не будетъ». — Остановимся и спросимъ себя! Что это за фантастическія «вдругъ», которыя приводятъ за собой еще болѣе фантастическія «все равно», «ничего при мнѣ не было», «ничего до меня не было», «ничего никогда не будетъ», такъ настойчиво выдвигаемыя или вырываемыя Богъ вѣсть откуда Достоевскимъ? Не вправѣ ли, не о б я з а н ы -ли мы тутъ повторить вслѣдъ за Аристотелемъ, то, что онъ сказалъ объ Гераклитѣ, отридавшемъ законъ противорѣчія: такое можно думать, по такого нельзя говорить. Вѣдь если не унять смѣшного человѣка, то повалится не только законъ противорѣчія, незыблемѣйшій изъ принциповъ, но и всѣ вообще принципы, начала, все «всѣм-

ство» повалится. И отъ «каприза» одного человѣка да еще такого, для котораго, по собственному признанію, сумасшествіе было бы повышеніемъ въ чинѣ! Это нужно сказать себѣ открыто, но тоже нужно сказать открыто, что «приведя къ молчанію» смѣшного человѣка, мы бы заставили замолчать самого Достоевскаго. И не одного Достоевскаго, а и Платона съ его пещерой, Плотина съ его единымъ Эврипида, не знающаго, что такое жизнь и что такое смерть... Соблазняетъ васъ это? Соблазняетъ васъ мысль остаться при одномъ *metrios eis hyperbolein* (докрайности умѣренномъ) Аристотеля? Спорить тутъ нельзя: можно только спросить и пойти дальше...

Такъ вотъ, смѣшной человѣкъ, которому все равно, при которомъ ничего не было и который убѣдился, что и вообще никогда ничего не было и никогда ничего не будетъ, принялъ рѣшеніе: покончить съ собой. Если хотите вы можете подразнить Достоевскаго, благо есть готовая аргументація уже двѣ съ половиною тысячи лѣтъ тому назадъ придуманная: если ничего нѣтъ и не было, то нѣтъ и смѣшного человѣка, нѣтъ рѣшенія покончить съ собой, нѣтъ и всѣхъ его «вдругъ», нѣтъ и разсказа о томъ, что смѣшной человѣкъ рѣшилъ и т. д. Все это, конечно, вы можете сдѣлать и Достоевскій знаетъ, что вы можете такъ дразнить его и будете дразнить, будете смѣяться и не захотите его даже сумасшедшимъ признать — чина пожалѣете. И все таки продолжалъ разсказъ, нагромождая бессмыслицу на бессмыслицу, противорѣчіе на противорѣчіе, которыя бы стоили того, чтобъ ихъ цѣликомъ привести, если бы позволяло мѣсто. Кто хочетъ подойти ближе къ Достоевскому, тотъ долженъ производить особаго рода *exercitia spiritualia*: проводить часы, дни, годы въ атмосферѣ взаимно другъ друга исключаютелыхъ самоочевидностей — другого способа нѣтъ. Такимъ, только такимъ образомъ можно «увидѣть», что время имѣетъ не одно, а два и болѣе измѣреній, что «законы» не существуютъ отъ вѣчности, а «даны» и даны только затѣмъ, чтобы проявился «грѣхъ», что спасаютъ не дѣла, а вѣра, что смерть Сократа можетъ разбудить окаменѣлое

дважды два четыре, что Богъ всегда требуетъ невозможного, что гадкій утенокъ можетъ превратиться въ красавица лебедя, что адъсъ все начинается и ничего не кончается, что капризъ имѣеть право на гарантіи, что фантастическое реальнѣе естественнаго, что жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь и на всѣ прочія «истины», которыя глядятъ на насъ своими странными и страшными глазами со страницъ сочиненія Достоевскаго...

И смѣшному человѣку пришлось Богъ знаетъ до чего досмотрѣться, додуматься — хотите знать до чего, перечтите этотъ небольшой, всѣми забытый, но замѣчательный рассказъ — чтобы добыть «новую» истину, добыть и потерять въ тотъ же мигъ, какъ онъ ее нашелъ. Причемъ поразительнѣе всего, что истина эта вовсе и не новая, а самая старая истина, старая почти какъ міръ, ибо она была открыта человѣку чуть-ли не на другой день послѣ сотворенія міра. Открылась, была вписана въ Книгу Книгъ и тотчасъ же всѣми была позабыта. Вы догадались, конечно, что я имѣю въ виду сказаніе о грѣхопаденіи. Смѣшной человѣкъ, рѣшившій уже покончить съ собой, т. е. ему было «все равно» уснулъ и во снѣ увидѣлъ то, о чемъ рассказано въ Библии. Ему приснилось, что онъ попалъ къ людямъ, не вкусившимъ плодовъ отъ дерева познанія добра и зла, не знавшимъ еще стыда, не имѣвшимъ знанія и не умѣвшимъ и не хотѣвшимъ судить. «Дѣти солнца, дѣти своего солнца — о какъ они были прекрасны. Никогда я не видалъ на нашей землѣ такой красоты!» «Мнѣ казалось неразрѣшимымъ, что они, зная такъ много, не знаютъ нашей науки. Но я скоро понялъ, что знаніе ихъ восполнялось и пыталось иными проникновеніями, чѣмъ у насъ на землѣ и что стремленіе ихъ были тоже совсѣмъ иныя. Они не стремились къ познанію жизни такъ, какъ мы стремимся сознать ее, потому что жизнь ихъ была восполнена. Но знаніе ихъ было глубже и выше, чѣмъ у нашей науки, ибо наука наша ищетъ объяснить, что такое жизнь, сама стремится сознать ее, чтобы научить другихъ жить; они же и безъ науки знали, и я это понялъ, но не могъ понять ихъ знанія. Они указывали мнѣ

на деревья свои... и я не могъ понять той степени любви, съ которой они смотрѣли на нихъ... и знаете, можетъ быть я не ошибусь, если скажу, что они говорили съ ними! Да они нашли ихъ языкъ и убѣжденъ, тѣ понимали ихъ.» Ни въ одной изъ современныхъ теорій познанія вопросъ о сущности и назначенія научнаго знанія не поставленъ съ такой глубиной и остротой. Только въ древности — ясновидящiе Платонъ и Плотинъ (о нихъ, конечно, Достоевскiй и представленiя не имѣлъ) подходили и, по сколько дано смертнымъ, осуществляли поставленную себѣ Достоевскимъ задачу: отказаться отъ научнаго знанія, чтобы постичь Истину. Истина и научное знанiе непримиримы. Истина не выносить оковъ знанія, она задыхается въ тяжкихъ объятiяхъ «самоочевидности», дающихъ достовѣрность нашему знанiю. Наука, продолжаетъ смѣшной человѣкъ, «открываетъ законы» и ставитъ «законы счастья выше счастья», наука хочетъ «научить жить». А Истина надъ законами, и законы для нея тоже, что для Достоевскаго были когда то стѣны тюрьмы и каторжныя кандалы. Достоевскiй самъ пораженъ и ослѣпленъ своимъ вѣщимъ прозрѣнiемъ, самъ не знаетъ, принять ли его или не принять, сонъ это или явь, бредъ или откровенiе. «Но какъ же мнѣ не вѣрить что это было? спрашиваетъ онъ. Было, можетъ быть, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ я рассказывалъ. Пусть это сонъ, но все это не могло не быть. Знаете, я скажу вамъ секретъ: все это, быть можетъ, было вовсе не сонъ! ибо тутъ случилось нѣчто такое, нѣчто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрезиться во снѣ. Пусть мой сонъ породило мое сердце, но развѣ одно сердце мое могло породить ту ужасную правду, которая потомъ случилась со мной? Какъ бы могъ я ее одинъ выдумать или пригрезить сердцемъ? Неужели мелкое сердце мое и капризный умъ мой могли возвыситься до такого откровенiя правды? О судите сами: я до сихъ поръ окрывалъ, но теперь доскажу и эту правду. Дѣло въ томъ, что я... развратилъ ихъ всѣхъ». Чѣмъ развратилъ этотъ человѣкъ земли обитателей рая? Онъ далъ имъ наше «знанiе» или, говоря словами Св. Писанiя, убѣдилъ ихъ вку-

силь плодовъ отъ запретнаго дерева. И вмѣстѣ съ знаніемъ пришли всѣ земные ужасы, пришла смерть. «Они узнали стыдъ и стыдъ возвели въ добродѣтель», продолжаетъ Достоевскій излагать и комментировать краткое библейское сказаніе. Той науки одной недостаточно было, вмѣстѣ съ наукой выросла — отъ того же корня — и «этика»: міръ превратился въ завороченное «законами» царство, люди — изъ свободныхъ существъ въ безвольныхъ автоматовъ... И только у нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ рѣдкія минуты просыпается страшная тоска по настоящей жизни и вмѣстѣ съ этой тоской смутное сознаніе, что та сила, которая владѣетъ ими и направляетъ ихъ, и которую они обоготворили, есть сила вѣчнаго сна, смерти, небытія. Это и есть «анамнезисъ» Платона, пробужденіе Плотина. Это то, что людямъ дается, но чего люди не могутъ добыть своими силами, своей заслугой, своими «дѣлами». Читатель видитъ, что эту «правду» Достоевскій не самъ выдумалъ, не могъ самъ выдумать. Онъ оттого и говоритъ объ «откровеніи» правды, что правда ему открылась. Это — та правда, которая — хотя она всеѣмъ извѣстна, ибо записана въ книгѣ, наиболѣе читавшейся людьми, все же остается правдой сокрытой. Но поразительнѣй всего, поразительнѣй, чѣмъ все то, что Достоевскій до сихъ поръ намъ рассказывалъ — это конецъ «Сна смѣшного человѣка». Мысль о самоубійствѣ, послѣ того, какъ открылась Истина, отброшена. «О, теперь жизни, жизни! Я подіялъ руки и воззвалъ къ вѣчной Истинѣ; не воззвалъ, а заплакалъ; вострогъ, неизмѣримый вострогъ поднималъ все существо мое. Да жизнь и проповѣдь! О проповѣди я порѣшился въ тѣ-же минуты и, ужъ, конечно, на всю жизнь! Я иду проповѣдывать, я хочу проповѣдывать — что? Истину, ибо я видѣлъ ее, видѣлъ своими глазами, видѣлъ всю ея славу!» Проповѣдывать истину! Иду проповѣдывать истину — т. е. отдаю ее «всѣмству», которое, конечно, прежде, чѣмъ принять ее, потребуетъ, чтобъ Она подчинилась закону. Вы понимаете, что это значитъ?

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Л. Шестовъ.